

Валдайские
записки

#17 | Май 2015

Новый атлантизм

Ричард Саква

По окончании холодной войны казалось, что Организация Североатлантического договора (НАТО), успешно осуществив свою миссию - прежде всего по сдерживанию СССР, могла спокойно отправиться на свалку истории. Но вместо этого следующую четверть века альянс посвятил поискам новых задач. И столкнулся с тем, что можно назвать экзистенциальным кризисом жанра.

В середине 1990-х Кристофер Коукер (Christopher Coker) предупреждал о «закате Запада», имея в виду не западную цивилизацию как таковую, упадок которой задолго до того предвещали Освальд Шпенглер и Арнольд Тойнби, а атлантическое сообщество как политическую и культурную основу НАТО. Коукер детально описывает, с каким трудом в послевоенные годы утверждалась идея атлантического сообщества, далеко не сразу воспринятая его членами, особенно европейскими. По большому счету, альянс объединяла советская угроза, хотя были и альтернативные проекты. Прежде всего, голлистское видение независимой Европы, самостоятельно отвечающей за свою безопасность, которое в широком понимании предполагало участие Советского Союза, а в самом исключительном – решение европейских проблем без Соединенных Штатов. Более того, к окончанию холодной войны в странах-членах альянса произошли важные демографические изменения, превращавшие их в мультикультурные общества с конфликтующими идентичностями, что ослабляло традиционно ведущую роль атлантической безопасности. Именно поэтому Коукер пессимистически смотрел на будущее атлантического сообщества.¹ Но оно не только выжило, но и преуспело, и сегодня обретает все новые черты в форме того, что я называю новым атлантизмом.

Путь к Атлантиде

Хотя на Востоке институты холодной войны - прежде всего Организация Варшавского договора – были распущены, в западной части Европы они укреплялись. НАТО обрела новую роль, выйдя «за рамки территории» (наиболее яркие примеры – Косово и Афганистан) и приняв в свой состав ряд бывших стран советского блока. Польша, Венгрия и Чехия вступили в организацию в марте 1999 года. Затем, в ходе масштабного расширения в марте 2004 года, к альянсу присоединились прибалтийские республики (Эстония, Латвия и Литва), Болгария, Румыния, Словакия и Словения, за которыми в апреле 2009 года последовали Албания и Хорватия. На этом процесс не остановился, и, несмотря на неоднократные предупреждения России о том, что приближение НАТО к ее границам будет восприниматься как стратегическая угроза первого уровня, расширение альянса не утратило своей динамики. На Бухарестском саммите альянса 2-4 апреля 2008 года перспектива членства была обещана Грузии и Украине.² В силу озабоченности Германии и Франции тем, что такое «окружение» России может вызвать ненужный провокативный эффект, осуществление Плана действий по членству в НАТО было отложено. Тем не менее, расширению альянса было задано стратегическое направление. В Декларации говорилось о «неделимости» безопасности, но имелась в виду безопасность самого атлантического сообщества. И результатом экспансии стало именно узаконивание «делимости» и, тем самым, нового передела Европы.

¹ Christopher Coker, *Twilight of the West* (Boulder CO, Westview Press, 1997).

² 'Bucharest Summit Declaration' 3 April 2008, http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_8443.htm.

О том, что именно было обещано советскому руководству в плане расширения НАТО, до сих пор идут споры. Во время воссоединения Германии западные лидеры дали обязательство не милитаризовать восточную часть объединенной страны. На встрече в Москве 9 февраля 1990 года государственный секретарь Джеймс Бейкер пообещал Горбачеву, что если Германия вступит в НАТО, а Россия выведет оттуда свои 24 дивизии, «юрисдикция НАТО не распространится на Восток ни на дюйм». Но это касалось только бывшей ГДР. Вопрос о расширении НАТО в отношении других стран советского блока просто не приходил никому в голову и не обсуждался.³ В тот день министр иностранных дел Германии Ганс-Дитрих Геншер заявил своему советскому коллеге Эдуарду Шеварднадзе: «Одно можно сказать определенно: НАТО не будет расширяться на Восток».⁴ Хотя речь вновь шла о Восточной Германии, это обязательство служило признанием того факта, что расширение НАТО было для Советского Союза болевой точкой. Обещание не было зафиксировано письменно, но все участники четко понимали, что расширение НАТО на территорию бывшего советского блока просто немислимо. С моральной точки зрения намерение было очевидным и, таким образом, Запад нарушил если не букву, то дух тех договоренностей, которые, как считалось, положили конец холодной войне.

Как отмечает Сэротт, «после окончания холодной войны Россия была преднамеренно оставлена на периферии Европы».⁵ Была заложена негативная динамика, которая в конечном итоге ускорила крушение складывавшегося тогда миропорядка.

В декабре 1991 года к России как к стране-правопреемнице перешли от СССР все договорные обязательства и привилегии, в том числе членство в Совете Безопасности ООН. Но вскоре в России вновь началось «смутное время» и ее озабоченности можно было легко игнорировать.

В 1994 году президент Билл Клинтон начал процесс расширения НАТО на востоке и юге от российских границ. Учитывая непростую ситуацию, в которой находилась страна в период 90-х, Борис Ельцин мог лишь молчаливо соглашаться.

Придя к власти в 2000 году, Владимир Путин «разыгрывал» идею присоединения России не только к ЕС, но и к НАТО. Во время визита в 2000 году в Британию Дэвид Фрост (David Frost) задал российскому президенту вопрос о возможности вступления в альянс, на который тот ответил: «Почему нет?» Ответ был не столько серьезной заявкой на членство, сколько сигналом (как Путин отметил в том же самом интервью) о том, что «Россия это часть европейской культуры, и я не представляю себе своей собственной страны в отрыве от Европы и от так называемого, как мы часто говорим, цивилизованного мира. Поэтому с трудом представляю себе и НАТО в качестве врага».⁶ В начале 2000-х Путин серьезно

³ Mark Kramer, 'The Myth of a No-NATO-Enlargement Pledge to Russia', *Washington Quarterly*, Vol. 32, No. 2, 2009, pp. 41, 47-48.

⁴ Этот вопрос пересматривает Джош Коуэн (Josh Cohen), 'Don't let Ukraine into NATO', *Moscow Times*, 19 September 2014.

⁵ Mary Elise Sarotte, 'A Broken Promise? What the West Really Told Moscow about NATO Expansion', *Foreign Affairs*, Vol. 93, No. 5, September-October 2014, pp. 90-97, at p. 97. For the broader picture, see Mary Elise Sarotte, *1989: The Struggle to Create Post-Cold War Europe* (Princeton, Princeton University Press, 2009).

⁶ Интервью В. Путина Дэвиду Фросту, *Коммерсант*, No. 39, 7 March 2000, p. 2; Alexander Golts, 'Putin could aim for Europe alliance', *Russia Journal*, 20-26 March 2000, p. 8.

взаимодействовал с НАТО в плане возможного членства. Вероятно, в Брюсселе даже проходили неофициальные переговоры, пока США не наложили на них вето.

Риски, связанные с расширением НАТО, были очевидны с самого начала, и не в последнюю очередь Джорджу Кеннану, старейшине мировой дипломатии и архитектору политики «сдерживания» Советского Союза в послевоенные годы.⁷ Да, западные державы пытались подсластить горькую пилюлю. В 1994 году Россию включили в натовскую программу «Партнерство во имя мира», а Основополагающий акт Россия-НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности, подписанный в мае 1997 года, торжественно провозглашал начало новой эпохи: «Россия и НАТО не рассматривают друг друга как противников... Настоящим Актом подтверждается их решимость наполнить конкретным содержанием общее обязательство России и НАТО по созданию стабильной, мирной и неразделенной Европы, единой и свободной, на благо всех ее народов».⁸

28 мая 2002 года на Римском саммите Россия-НАТО был создан Совет Россия-НАТО (СРН), призванный стать «механизмом для консультаций, выработки консенсуса, сотрудничества, совместных решений и совместных действий России, в рамках которого Россия и государства-члены НАТО будут работать как равные партнеры в областях, представляющих общий интерес».⁹ Россия уже не находилась в положении «одна против всех», и это изменение статуса было призвано вывести на новый уровень партнерство в рамках широкого сообщества во имя безопасности. Хотя в тексте нет ни малейшего намека на то, что Россия могла бы обладать каким-либо «правом вето» по вопросам безопасности, находящимся в исключительном ведении НАТО.¹⁰

В качестве площадки для разрешения конфликтов СРН оказался бесполезным, он способствовал, скорее, не взаимодействию с Россией, а ее изоляции. Так, Америка наложила вето на созыв СРН для обсуждения грузинского кризиса в 2008 году. Позднее она признала, что это было ошибкой. Но история повторилась в 2014 году, когда разворачивался кризис на Украине. 1 апреля НАТО приостановила «все практическое гражданское и военное сотрудничество с Россией», не запрещая, однако, контакты на уровне послов.¹¹ Очевидно, что институциональная архитектура сотрудничества, несмотря на искренние стремления обеих сторон, была безнадежно неадекватна реальным вызовам европейской безопасности XXI века.

Во внешнеполитическом дискурсе стабильно побеждал либеральный универсализм президентства Клинтона, отвергавший любые прагматические возражения. Он основывался на идее, что бывшие коммунистические государства, если ввести их в мир благосостояния и западных цивилизационных институтов, трансформируются подобно Германии после войны, и рано или поздно, это же будет применимо к России. В этом крылось глубокое внутреннее

⁷ Thomas Friedman, 'Foreign affairs; now a word from X', New York Times, 2 May 1998.

⁸ 'Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора, 27 May 1997, http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm.

⁹ This is the description on NATO's website describing the NRC, <http://www.nato.int/nrc-website/en/about/index.html>.

¹⁰ 'Nato-Russia Council, Rome Declaration, 28 May 2002', http://www.nato.int/nrc-website/media/59487/2002.05.28_nrc_rome_declaration.pdf.

¹¹ 'Statement by NATO Foreign Ministers', 1 April 2014, <http://www.nato.int/nrc-website/en/articles/20140327-announcement/index.html>.

противоречие. Расширение НАТО как раз и не давало России возможности получить опыт трансформации, который могло бы предложить ей реформированное атлантическое сообщество. Фундаментальная же проблема состояла в том, что Россия не была повержена в войне и считала себя полноправной великой державой, что сильно отличало ее от послевоенной Германии. Оказавшись в НАТО, она бы стремилась к лидерству, что в планы других государств явно не входило. Безусловно, США не были готовы делиться своим гегемонистским положением. Идея, что расширение НАТО положит конец разделению Европы, никак не соотносилась с тем фактом, что крупнейшая страна Европы оставалась за бортом, и ее недовольство только нарастало. Таким образом, создание новых разделительных линий в Европе вело к снижению общего уровня безопасности. А когда Россия наконец отреагировала – в том духе, как того и ожидали Кеннан и прочие критики – в НАТО это было воспринято как оправдание необходимости консолидации. В этом и есть сущность нового атлантизма.

Старый и новый атлантизм

Новый атлантизм бросает вызов альтернативным моделям европейской безопасности. Герметичный и всеобъемлющий характер атлантического сообщества вступает в противоречие с представлениями о плюралистической и открытой Европе и призывами к чему-то вроде европейского панконтинентализма. Критики России обвиняют ее в попытках определять стратегический выбор соседей, прежде всего Грузии и Украины, навязывая им решения в духе необрежневской доктрины ограниченного суверенитета. Рассуждающие реалистично наверняка сказали бы, что любая держава была бы обеспокоена стратегическим выбором своих соседей, если бы он угрожал ее безопасности. Между тем, Россия стремилась в конечном итоге подняться над этими дилеммами и создать панъевропейские структуры, которые преодолели бы традиционные разделительные тенденции.

Увы, даже намерение начать дискуссию о том, какую форму могли бы принять такие структуры, рассматривалось как попытка расколоть атлантическую систему безопасности. Так было положено начало порочному циклу, который в конечном итоге лишь усилил консолидацию западной блоковой системы.

Новый атлантизм является идеологическим проявлением этой консолидации, став вооруженным крылом евроатлантического сообщества и все более отождествляясь с ним. Это не означает, что решены проблемы внутренней консолидации, разнонаправленных амбиций и представлений о конечных целях и задачах НАТО, нежелания выполнять обязательства по расходам на оборону и многие другие проблемы институционального развития. Мой тезис состоит в том, что новый атлантизм представляет собой именно ту площадку, на которой сегодня обсуждаются эти вызовы.

С самого начала Россия выражала недовольство тем, что осталась за бортом, но по причине своей слабости в 1990-е могла позволить себе лишь бессильный ропот по поводу Косово, расширения НАТО и других вопросов. В 2000-е Россия уже была в состоянии подкрепить свое недовольство действиями. Но и атлантизм образца холодной войны превращался в нечто иное.

Новое его издание повлекло за собой не только сохранение натоцентричной системы безопасности и ее распространение на территории, находившиеся в сфере влияния бывшего противника, но и качественное изменение самой системы безопасности. Новый атлантизм не только расширил – что является темой бесконечных комментариев – но и укрепил «демократическую нормативность», наличие обязательных для всех правил и стандартов, отличавших Атлантическую хартию, разработанную Уинстоном Черчиллем и Франклином Рузвельтом в августе 1941 года.

Атлантическая система стала во все большей степени неспособна критически оценивать последствия своих действий с точки зрения силы и геополитики. Именно такой геополитический нигилизм спровоцировал впоследствии украинский кризис.

Бывший изначально оборонительным альянсом, созданным для противостояния Советскому Союзу, новый атлантизм стал более воинственным в продвижении своих интересов и более агрессивным в культурном плане, позиционируя себя при этом как модель цивилизационного прогресса. Он не способен принять геополитический плюрализм в Европе и тем самым становится все более монистским организмом. Будучи «империей по приглашению» (хотя приглашение не распространялось на Россию) и сохраняя внутренние расхождения, новый атлантизм, в упор не видя в своем составе крупнейшей европейской державы, не сумел обойти метастазы Второй мировой и холодной войны и поступательно утверждает логику прежних эпох.

Новый атлантизм: герметичный и всеобъемлющий

Новый атлантизм является продолжением традиционного, но с распадом того, что было принято считать «системой европейской безопасности после окончания холодной войны», атлантическое сообщество превращается в нечто иное. Утратив первоначальный смысл, оно пустилось в поиски новых задач, которые в конечном итоге обрело, несколько переформулировав задачу изначальную: сдерживание России.

25 лет после окончания холодной войны стали переходным периодом, когда НАТО вела войны на юго-востоке Европы и в Афганистане, но главное - стремилась достичь недостижимого: сохранить изначальный атлантический характер, обеспечивая господство США в расширяющемся альянсе и при этом налаживать отношения с Россией как партнером в сфере безопасности. Усилия, потраченные на достижение последней цели, были искренними и напряженными, но, в конце концов, были сведены на нет продвижением НАТО к российским границам и сохраняющимся доминированием Вашингтона в альянсе. Без институциональной трансформации НАТО провозглашенное партнерство с Россией не могло решить нарастающих проблем в сфере безопасности. Печальные последствия этого стали очевидны в ходе борьбы за Украину.

Меняющийся функционал атлантизма – это отражение его внутренней эволюции. Выше он уже характеризовался как герметичный и всеобъемлющий. Под герметичностью я понимаю то, что система безопасности, созданная после Второй мировой войны и вовлеченная затем в холодную войну, после 1989 года значительно расширилась за счет большей части бывших государств советского блока и даже части бывшего Советского Союза (прибалтийские государства). Но его внутренняя логика и структуры оставались на удивление невосприимчивы к переменам, даже несмотря на падение «железного занавеса» и осторожное движение России к капиталистической демократии и международной интеграции. Так и не нашлось способа сделать Россию полноценным членом нового сообщества безопасности, и, таким образом, ее фактическое исключение из самой важной структуры в сфере безопасности породило напряженность и потенциальные споры, которые так явственно дали о себе знать во время конфликта из-за Украины.

Главная проблема в том, что атлантический альянс стал идеологическим проектом, и, тем самым, по определению теряет гибкость и прагматизм, становясь все более жестким и избирательным в восприятии широкого спектра информационных потоков.

Напоминания об обязательствах США оборонять Европу становятся все больше похожими на мантры, маскирующие то, как эти самые обязательства подрывают панъевропейскую безопасность. Любая уступка России и даже намерение понять ее позицию, считается проявлением слабости, что в реальности лишь раздувает конфронтацию.

Для новых атлантистов идея многополюсного миропорядка, активно продвигаемая Россией и более спокойно – Китаем, сродни анафеме. Это распространяется как на решение нормативных вопросов, так и силовых. Легкость, с которой НАТО вернулась на позиции конфронтации с Россией в духе холодной войны, иллюстрирует герметичный характер организации. Жизнь изменилась, но ментальность холодной войны сохранилась и играет теперь ведущую роль в новой стратегии сдерживания.

Если же говорить о всеобъемлющем характере нового атлантизма, то он набирал обороты в последние годы, когда внешнеполитическое и военно-политическое измерение ЕС фактически слились с атлантическим сообществом безопасности. Единая внешняя политика и политика безопасности ЕС (ОВПБ) после подписания Лиссабонского договора («Договора о реформе») 13 декабря 2007 года, вступившего в силу в 2009 году, теперь по сути является частью атлантической системы.¹² Государства, вступающие в ЕС, обязаны приводить свою оборонную политику в соответствие с политикой НАТО, что фактически ведет к милитаризации ЕС. Ряд положений Договора об ассоциации между ЕС и Украиной, который должен был быть подписан в Вильнюсе 28-29 ноября 2013 году, но в конечном итоге это произошло лишь в мае 2014 года после свержения администрации Виктора Януковича, свидетельствовал об усилении «трансдемократической смычки» между политикой и безопасностью.

¹² The Lisbon Treaty was careful to stress the development of a common European security and defence policy (Section 2, 'Provisions on the Common Security and Defence Policy', Articles 42 to 46), but stressed that this would be compatible with the existing obligations of member states to NATO (Article 42.2): Consolidated Versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union (Luxembourg, European Union, 2010); http://europa.eu/lisbon_treaty/full_text/.

Расширение ЕС стало частью процесса расширения евроатлантического сообщества, предполагающего, что безопасность, качество государственного управления и экономические реформы идут здесь рука об руку. Иными словами, расширение ЕС дополняется членством в НАТО.

В 1991 году такая ситуация удивила бы большинство комментаторов. По историческим причинам ряд стран ЕС – Австрия, Кипр, Ирландия, Финляндия, Мальта и Швеция – не состоят в НАТО, но, начиная с 1989 года, большинство новых членов ЕС вступали также и в альянс. Под вопрос ставится даже нейтралитет: атлантисты Швеции и Финляндии используют кризис вокруг Украины для сближения своих стран с НАТО.

Новый атлантизм отражает постепенное превращение атлантической системы безопасности в сообщество, задача которого не просто поддержание безопасности, но поддержание некой специфической формы евроатлантической цивилизации. По определению это означает отказ от того, что в послевоенную эпоху стало восприниматься как базовые европейские ценности, такие как социальная справедливость и равенство – в пользу новых гибридных форм.

Новый атлантизм: перспектива

Новый атлантизм складывался не один год и представляет собой трансформацию традиционной системы безопасности в сообщество нового типа. Несмотря на разговоры о скором распаде НАТО, продолжавшиеся на протяжении двух десятилетий после холодной войны, а также признание стратегической неудачи миссии ISAF в Афганистане, кризис вокруг Украины вновь придал смысл существованию организации, конец которой, кажется, был предсказан уже давно. Однако НАТО – лишь один из элементов обретающей все большую силу в глобальном масштабе атлантической системы, в центре которой – мощь Америки. Нынешнее возрождение НАТО остается только одной из граней более широкого укрепления атлантизма.

Вследствие кризиса на Украине в альянсе все громче звучат призывы разделить «бремя ответственности». После 1991 года большинство европейских партнеров пользовались «дивидендами мира» и сокращали расходы на оборону, в то время как США сохраняли, а после 11 сентября даже значительно увеличили долю ВВП, расходуемую на оборону. В настоящее время лишь три европейских государства-члена НАТО – Великобритания, Греция и Эстония – тратят на эти цели рекомендованные два процента ВВП. Саммит НАТО в уэльском Ньюпорте (4-5 сентября 2014 года) стал попыткой «встряхнуть» союзников и сопровождался обязательствами увеличить оборонные расходы. Итоговое заявление освобождало НАТО от всякой ответственности за кризис на Украине, провозглашая: «Агрессивные действия России против Украины поставили под вопрос фундаментальным образом наше видение целой, свободной и мирной Европы» (п. 1). На саммите был принят План действий НАТО по обеспечению готовности, предусматривающий ротацию сил в Центральной и Восточной Европе.

В соответствии с договором 1997 года о партнерстве между НАТО и Россией, размещения сил НАТО в регионе на постоянной основе не предполагалось.¹³ Украина не получила статуса особого партнера НАТО, к которому стремилась, однако «трандемократическая» риторика итогового заявления саммита лишь обострила процессы, которые изначально и спровоцировали кризис. Саммит положил конец надеждам на единую Европу, возникшим после окончания холодной войны.

Новое атлантическое сообщество питает надежды на усиление и придание более значимой институциональной формы экономическим связям. В последнее время новый импульс получила идея Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства (ТТИП) – прежде всего благодаря Британии и ее давней стратегической идеи ослабить интеграционную составляющую в ЕС и не до конца изжитые континенталистские (евро-голлистские) устремления. ТТИП – своего рода наследник Многостороннего соглашения по инвестициям (МСИ), раскритикованного и брошенного на полпути в 1998 году. На первый взгляд, потребители только выиграли бы от создания зоны свободной торговли и устранения сложных регуляторных и прочих ограничений на движение товаров и услуг. Это позволило бы европейским компаниям войти на рынок США, отличающийся своей непрístupностью. Однако ТТИП планирует идти дальше и закрепить приоритет рынка перед государствами. США и 14 стран-членов ЕС планируют создать отдельную судебную систему исключительно для корпораций, тем самым дав им привилегированный правовой статус. В этих судах компании смогут подавать иски против правительств. Если будет сочтено, что законы угрожают их «будущим ожидаемым прибылям», корпорации смогут оспаривать национальные законы и требовать компенсаций. Система «урегулирования споров между инвестором и государством» (ISDS) может ослабить полномочия государства по защите от колебаний рынка системы здравоохранения и социальной защиты, окружающей среды, трудовых прав.¹⁴

Верный своему герметичному и всеобъемлющему характеру, новый атлантизм фактически сделал безопасность исключительным общественным благом. Если в прошлом безопасность была результатом равновесия сил, некоего устоявшегося уклада, в рамках которого государства дипломатическим путем разрешают свои противоречия, то новая система гарантирует безопасность собственным членам и союзникам (последним, разумеется, в иной степени), но все более утрачивает механизмы выстраивания подлинно равноправных отношений с другими государствами. Это позиция одностороннего геополитического нигилизма, когда сам принцип наличия у других государств геополитических интересов, не совпадающих с интересами атлантического сообщества, не только делегитимизирует тех, кто отстаивает иные точки зрения, но и ведет к демонизации лидеров и элит, противящихся атлантистской гегемонии. Санкции, кампании в СМИ и тайные операции – все это части масштабного наступления на аутсайдеров и антагонистов.

В совокупности все это представляет собой грозную силу.

¹³ 'Wales Summit Declaration', 5 September 2014, http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm.

¹⁴ George Monbiot, 'Equality Before the Law? Throw it on the Corporate Bonfire', Guardian, 14 January 2015, p. 30.

С появлением нового атлантизма изменяется понятие «Запад», и даже ставится под вопрос правомерность его использования. Традиционный плюрализм и широта этого понятия сводятся теперь к трансдемократическому сочетанию безопасности и нормативных вопросов. На участников новой атлантической системы распространяются меры дисциплинарной ответственности и кураторская опека, а аутсайдеры имеют дело с гегемонистской силой, представленной альянсом.

Однако, как это всегда бывает в международных делах, возникновение силы, которая призвана стать гегемонистской, порождает сопротивление. В настоящее время это принимает форму контргегемонистской системы альянсов, прежде всего через развитие группы БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества и активизацию евразийской интеграции. Начинает складываться новая модель глобальной политики. Реальную форму обретает многополярность.

Концепция нового атлантизма создает основу для анализа вызовов в сфере безопасности и норм, с которыми сталкиваются Европа и весь мир.

Об авторе:

Ричард Саква, профессор кафедры изучения европейской и российской политики Кентского университета, член Королевского института международных отношений по Программе изучения европейской и российской политики.